

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 327.2

ББК 66.4

Б48

АНО ВПО НИИ «Институт политических и медиаметрических исследований»

Бердин Азатe-mail: redactor@ipmi-russia.org

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ИНТЕГРАЦИИ БАШКОРТОСТАНА В СОСТАВ РОССИИ

В данной статье описаны возможные проблемы в рамках интерпретации цивилизационных аспектов интеграции Башкортостана в состав России.

Berdin A.e-mail: redactor@ipmi-russia.org

CIVILIZATIONAL ASPECTS OF INTEGRATION OF BASHKORTOSTAN IN STRUCTURE OF RUSSIA

In this article possible problems within interpretation of civilizational aspects of integration of Bashkortostan in structure of Russia are described.

Ключевые слова: Россия, Башкортостан, интеграция, цивилизации.

Key words: Russia, Bashkortostan, integration, civilizations.

В рамках интерпретации цивилизационных аспектов интеграции Башкортостана в состав России перспективны следующие проблемы.

1. Интерпретация вхождения Башкортостана в состав России как проблема межкультурного взаимодействия российской и башкирской культуры с точки зрения учения М.М.Бахтина о полифоническом «диалоге культур», диалогическом характере данного взаимодействия [1]. Башкирская культура, в свою очередь, является продуктом сложного синтеза цивилизационных взаимодействий Великой Степи и мира Ислама, с преимуществом первого компонента, но обладающим целым рядом уникальных субцивилизационных особенностей, выделяющих ее из кочевой цивилизации. Цивилизационная самобытность и продуктивность кочевой цивилизации в науке вполне доказана (К. Леви Строс, В.В.Бартольд, Л.Н.Гумилев, казахстанская историография), но в случае с башкирами их полукочевой быт можно рассматривать не просто как стадийную инварианту «кочевой цивилизации», но как субцивилизационную и даже цивилизационную особенность, объясняющую уникальность их исторического пути в тюркском и российском мире. (В качестве примера достаточно сравнить особенности этногенеза [2] и социогенеза [3] башкир, отличающие их от прошлых и современных этносов-соседей: с одной стороны — казанских татар, либо, с другой стороны — казахов, ногайцев, калмыков).

Различия между русскими и башкирами в момент соприкосновения носили не просто межэтнический, а именно цивилизационный характер.

С другой стороны, оба субъекта взаимодействия обладали архетипными чертами евразийской цивилизации (конечно, не априорно, а выработанными в результате длительного исторического процесса), но чертами, проявившимися по-разному. Так, и в России, и в Башкортостане тип правосознания был монархическим (по типологии И.А.Ильина), причем рецидивы его влиятельны и сегодня (но, после крушения законной династии, ныне в форме авторитаризма), поэтому определение «монархизма» башкирских повстанцев как «наивного», «отсталого» — не исторично и действительно наивно [4, с.105; 5, с.343].

Все политические коллизии (обращения башкир к царям, выдвижение собственных претендентов на ханство в Башкортостане) решались именно в рамках этого типа правосознания. И не могли решаться иначе, т.к. не существует универсальных и образцовых рецептов свободы. Следовательно, оценки «прогрессивности» того или иного социума по сравнению с другим весьма условны (например, башкирского, русского, западного обществ). В «варварской», по мнению С.М.Соловьева [6, с.542 -543], Башкирии, точнее, у башкир, никогда не существовало крепостного права, рекрутчины, этатизма, доведенного до деспотии, и попытки внедрить эти новшества вместе с «европейским прогрессом» вызывали у башкир столь яростный отпор, что никогда не были распространены на их среду. В связи с последним тезисом отметим, что модернизационный подход, который ныне немислим вне связи с цивилизационным (вспомним эволюцию мировоззрения С.Хантингтона), продуктивен для истории Башкортостана только с позиции «множества модернизмов» (С.Хантингтон, В.Г.Федотова).

2. Рассмотрение проблемы через определение евразийских цивилизаций как «переводчиков смыслов» (С. Переслегин). С этой точки зрения «евразийские» аспекты истории Башкортостана и России чаще всего и рассматриваются [1], но, к сожалению, без анализа категориального аппарата, предпринятого, в частности, упомянутым С. Переслегиным [7].

В рамках указанного подхода отметим, что Башкортостан был «Европой» в смысле образца и лидера модернизации для остального кочевого мира Евразии. Так, именно национальный герой башкирского народа тархан Алдар батыр Исекеев (Исянгильдин) внес немалый вклад в добровольное присоединение Казахстана к России [8, с.35]. Этот факт хорошо известен в историографии современного Казахстана, где описывается в уважительном для башкир тоне [9]. Такое же отношение к участию башкир в инкорпорации казахов в состав России отражено и в башкирском фольклоре [байт «Исянгул»]. Причем модернизацию в данном случае можно понимать и как детерминированное развитие собственной цивилизации в рамках всемирного процесса (так же рассматривал историю и марксизм, только в своих терминах), и как неизбежный «ответ» на «цивилизационный вызов» (А.Тойнби) модернизирующей России и Европы.

3. Анализ через цивилизационное противопоставление «традиционных» и «модернизированных» обществ. Этому вопросу посвящена, в частности, полемика вокруг книги З.Я.Рахматуллиной «Башкирская традиция (социально-философский анализ)» [10]. Скажем вкратце, что подкрепить аргументы З.Я.Рахматуллиной легко отнюдь не только с точки зрения идеологии «этни» (Д.Шнаппер), или даже «коммунизма», как полагает ее оппонент, А.Абдуллин, но и с позиций российского либерального консерватизма (П.Б.Струве, П.И.Новгородцев, И.А.Ильин) [11, с. 130- 158].

4. Рассмотрение российско-башкирского межкультурного взаимодействия через призму дихтомических культурно-цивилизационных начал — метод, популярный в русской цивилизационно-органической школе еще со времен

А.С.Хомякова («иранство — кушитство») до академика А.С.Панарина («пиратский/кочевой архетип — оседлый архетип») (12). Отметим, что подобный анализ позволяет подойти к трактовке А.С.Панарина с несколько неожиданной стороны, показывая ее относительность, но не отвергая ее продуктивности, и снимает статичность подобных дихотомий, выраженную в жесткой привязанности к дедуктивно определенным субъектам диалога культур. Последние недостатки являются парадигмальными для всех цивилизационных и геополитических школ, что ясно предсказал, в частности, П.Б.Струве при зарождении учения «евразийства» [13, с. 281]. В данном случае это выражается в том, что жесткая привязка характеристик «оседлость — традиционализм» и «кочевничество/пиратство — инновации» в случае с русско-башкирским историческим взаимодействием меняются местами. Потому что носителями традиционализма в нем до сих пор выступают в большей степени именно башкиры [10]. Это можно истолковать как свидетельство терминологической неточности А.С.Панарина, сблизившего архетипы «пиратства» и «кочевничества». Но история Башкортостана показывает и справедливость подобного отождествления, поскольку констатирует весьма впечатляющий инновационный и адаптационный потенциал кочевого, тем более — полукочевого общества, вопреки европоцентристским стереотипам.

Более того, поскольку «диалог культур» шел отнюдь не столько по линии примитивного и частного бытового взаимозаимствования, на которое обращали внимание ранее («пришлое население так же перенимало некоторые приемы скотоводства, охоты и бортничества у башкир и т.п.» [4], сколько заимствования архетипного, например, в виде повышения коммуникативной мобильности «пришлых», считающейся архетипным свойством кочевых сообществ. Не столько «освоение» гигантских пространств, уже освоенных политически сильными кочевниками, сколько неизбежное правовое, культурное и военное взаимодействие с ними, приводило к формированию в российской среде новых, «кочевых» стереотипов поведения (но не истинно кочевого быта в культурно-цивилизационном смысле, поскольку русские все же не являлись частью истинно кочевой цивилизации — напротив, это кочевой мир стал частью цивилизации российской, поглотившей в себе Евразию и ставшей ее воплощением). К числу подобных стереотипов поведения относится готовность к частой перемене жительства (пространственная и ком-муникативная мобильность) (наблюдение В.О.Ключевского и Л.Н.Гумилева), связанная с ней повышенная горизонтальная и вертикальная мобильность (термин П.А.Сорокина) (фактологически прослеженная на материале населения русских крепостей Башкирии Р.Г.Букановой и Б.А.Азнабаевым) [3], сакрализация и милитаризация власти и т.д. Иллюстрацией к сказанному являются исторические феномены: от возникновения столь оригинальных субэтносов, как тептяри и русское казачество, до уникального социогенеза современного российского Севера.

Итак, правовые и культурно-цивилизационные особенности, заложенные в русско-башкирском «диалоге» со времен добровольного вхождения Башкортостана в состав России, и детерминированные геополитической ситуацией этого акта, придали русскому колониализму черты, принципиально отличающие его от американского фронта, завоевания Казани или британского типа колониализма. (Этнологические факторы комплиментарности (Л.Н.Гумилев) — тема для отдельного анализа). Освоение географически обширных пространств само по себе такого отличия не обуславливает и никаких «евразийских особенностей» явлению не придает.

Эти особенности сложились в результате иных, чем в Новом свете, условий межцивилизационного взаимодействия. Условий, в данном случае определенных регионально значимой силой (башкирские восстания) и традициями (вотчинное право на землю) башкирского общества. Ни завоеванное население Поволжья, ни этносы-реликты Сибири придать евразийский характер («единство в многообразии») «русскому фронтиру» не имели возможности. Договорно обусловленное вхождение Башкортостана в состав России, напротив, послужило именно прецедентом, во многом обусловившим (отнюдь не сразу) евразийский, т.е. не расистский по архетипу характер русской колонизации (С.Т.Баймухаметов). В этом — также уникальность русско-башкирской цивилизационной взаимосвязи.

Библиография:

1. Межкультурный диалог на евразийском пространстве. Уфа, 2002.
2. Кузеев Р.Г. Этнос. Культура. Экология. Уфа, 1991.
3. Азнабаев Б.А. Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства (вторая половина XVI – первая треть XVIII вв.). Уфа, 2005.
4. История Башкортостана. Ч.1. С древнейших времен до конца XIX века. Уфа, 2000.
5. История Башкортостана с древнейших времен до конца 60 годов XIX в. Уфа, 1996.
6. Соловьев С.М. Чтения и рассказы по истории России. М., 1989.
7. Переслегин С. Самоучитель по игре на мировой шахматной доске. СПб., 2005.
8. Казахско-русские отношения в XVI - XVIII вв. Сб. документов и мат-лов. Алма-Ата, 1961.
9. Баймухаметов С.Т. Ложь и правда русской истории. М., 2005.
10. Рахматуллина З.Я. Башкирская традиция (социально-философский анализ). Уфа, 2000.
11. Бердин А.Т. Российский либеральный консерватизм и духовное возрождение России. Уфа, 2004.
12. Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование. М, 2000.
13. Струве П.Б. Избранные сочинения. М, 1999.